— Погодите, — ленивый голос прервал стражников, которые уже собирались переложить тело на носилки.

Все обернулись на звук и увидели девушку в лазурном платье, сидевшую под глицинией. С тонкими, словно нарисованными бровями, алыми губами и ясными, как горный ручей, глазами, она совершенно бесстрашно смотрела на происходящее.

Цай Лонянь был удивлен. Он скользнул взглядом по стоявшим поблизости знатным девицам: те дрожали от страха и напряжения. И лишь эта девушка была исключением. Видеть труп и сохранять такое невозмутимое спокойствие — невольно начинаешь испытывать уважение.

— Если это самоубийство, то объясните мне, откуда на правой руке покойной такая рана? — Кун Цици поднялась, подошла к судмедэксперту и задала вопрос.

— Это… рана имеет явные признаки стягивания тканей, что указывает на повреждение, полученное при жизни. Разумеется, нельзя исключать, что покойная нанесла его себе сама, — после короткой паузы ответил эксперт.

— О? — Кун Цици присела рядом с телом, приложила к правой руке покойной платок и внимательно осмотрела рану. — Рана глубокая снаружи и мелкая внутри. Вы уверены, что она могла нанести её себе сама?

— Ко… конечно, — запнувшись, ответил эксперт.

Нахмурившись, Кун Цици встала, вытянула из ножен саблю одного из стражников. Тот было дернулся, чтобы остановить её, но один взгляд Цай Лоняня заставил его замереть.

— Держите, — Кун Цици протянула саблю эксперту. Тот, хоть и был озадачен, послушно взял оружие. — Попробуйте взять её левой рукой и нанести удар себе по правой руке. Посмотрим, что выйдет.

— Вы… что вы такое говорите? — эксперт указал на неё пальцем, не веря своим ушам. Девушке на вид было лет шестнадцать-семнадцать, судя по одежде — из знатного дома, а она с невозмутимым видом произносит такие вещи. Это было просто немыслимо.

Увидев, что эксперт застыл в замешательстве, Кун Цици холодно фыркнула:

— Что? Рука не поднимается или вы что-то осознали?

— Такая юная, а что ты понимаешь? — в тот самый момент, когда он взял саблю, он действительно почувствовал, что с раной на теле что-то не так. Но признаться при стольких свидетелях? Где ему потом искать прибежище для своего позора?

Однако девушка продолжала давить.

Эксперт с недовольным видом бросил саблю на землю, опустился перед телом и, указывая на него, проговорил:

— Утопленники: конечности вытянуты, рот закрыт, глаза приоткрыты, руки сжаты в кулаки, кожа на стопах сморщена и побелела, видны следы крови и ссадины.

Затем он посмотрел на Кун Цици и продолжил:

— Человек, падая в воду, барахтается, нарушается дыхание, вода попадает в кишечник, руки непроизвольно сжимаются, на конечностях остается ил, из носа и рта выходит пена, живот раздувается от воды.

Закончив, эксперт выпрямился:

— Всё это доказывает, что смерть наступила в результате самоубийства. А рана на руке… возможно, покойная с кем-то поссорилась, и та сторона нанесла её нечаянно. К причине смерти это не имеет отношения.

Кун Цици покачала головой:

— Вы ошибаетесь. Она действительно утонула, но это не было самоубийством.

— О? — Цай Лонянь с интересом подался вперед. — И как вы это объясните?

Кун Цици присела, вынула из одежды покойной промокший сверток с пирожными османтуса и спросила:

— Станет ли человек, решивший покончить с собой, брать с собой в последний путь пирожные?

Цай Лонянь нахмурился и холодно взглянул на эксперта. Тот заерзал, чувствуя себя неуютно.

— Девушка, вы обнаружили что-то ещё? — Цай Лонянь слегка кашлянул и с улыбкой посмотрел на Кун Цици.

Она нахмурилась и продолжила обыскивать одежду покойной. Достала кошелек с серебром, заглянула внутрь. Про себя она выругалась: черт возьми, надо же — успешная молодая женщина из двадцать первого века, попала в другой мир и теперь даже не может с ходу сосчитать монеты. Позор, да и только!

Подавив досаду, она передала кошелек стражнику:

— Скажите им, сколько здесь серебра.

— Пятьдесят лянов, — пересчитав монеты, ответил стражник.

Затем она сняла с головы покойной нефритовую шпильку и протянула тому же стражнику:

— А теперь скажите, сколько стоит эта вещь.

Стражник взял украшение, долго рассматривал его. Вещь выглядела дорогой, и он побоялся оценивать её самостоятельно, вопросительно посмотрев на своего начальника.

— Не меньше двадцати лянов, — вздохнул Цай Лонянь.

— Отлично, — кивнула Кун Цици. — По мозолям на её руках и одежде нетрудно понять, что она всего лишь служанка. Откуда у неё такие деньги?

Цай Лонянь промолчал.

— Похоже, в этом деле немало странностей. Прошу вас, господин Цай, как можно скорее докопаться до истины, — Юнь И нахмурился, глядя на Цай Лоняня. — Если всё затянется, это может бросить тень на Юньюань, а перед императором и вдовствующей императрицей будет трудно оправдаться.

— Слушаюсь, я приложу все усилия, — ответил Цай Лонянь, мысленно проклиная этого старого лиса, который даже в таком пустяковом деле приплел императора и вдовствующую императрицу.

Когда Цай Лонянь увел стражников, Юнь И весело прокричал:

— Всё в порядке, господа, продолжаем веселье!

Затем он посмотрел на Кун Цици, которая уже собиралась уходить:

— Девушка, погодите.

http://bllate.org/book/22328/2338663